

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

Известно, что ономаσιологическая структура характеризует производное наименование. Ее осознание проясняет вопрос о том, каким образом поименованное связано через имя с категорией однородных явлений действительности и соотносится с конкретным из них. Встает вопрос, можно ли выявить и подвергнуть анализу ономаσιологическую структуру фразеологизмов? Попробуем на него ответить.

Ядром фразеологического состава языка вообще и на каждом конкретном этапе его развития являются идиомы (фразеологические сращения). Значение единицы не выводится из значений составляющих компонентов, и ни один из них не имеет прямой соотнесенности с реальной действительностью, утрачена самостоятельная денотация и референтная автономность [5, с. 85]. Такие единицы не просто равны словам, с точки зрения ономаσιологии они могут быть приравнены к непроизводным словам – редким в языке первичным наименованиям. Все остальные фразеологические единицы являются комбинациями слов, значение которых в той или иной степени вытекает из значений составных частей, то есть они осознаются носителями языка как наименования производные. Следовательно, можно предположить, что ономаσιологическая структура им свойственна, что она будет тем отчетливее проявляться, чем слабее степень фразеологизации неоднословной единицы.

Обратимся к субстантивно-атрибутивным бивербам, функционировавшим в системе предметной номинации старорусского делового языка. По степени фразеологизации они тоже неоднородны, большая их часть максимально приближена к так называемым свободным сочетаниям слов. В остальных мы усматриваем семантическую транспозицию лексического состава, в частности, типичное для них

переосмысление значения атрибутивного компонента. Здесь можно констатировать большую роль метафоризации, явления, значимость которого в процессе идиообразования замечена и оценена исследователями [5, с. 135]. Известно также, что имена признаков наряду с именами предметов в наибольшей степени способны к метафоризации значения. У признаков слов она заключается в выделении в объекте или классе объектов признаков, уподобляемых признакам, присущим другому классу предметов [ЛЭС, с. 296]. Важно и то, что содержащийся в метафоре образ не приобретает семиотической функции, то есть не может стать означающим символом некоторого смысла. Это значит, что метафорическое значение слова связано с неметафорическим, прямым как мотивированное и мотивирующее. В таком случае представляется возможным выявить характер, например, признака, который подвергся метафоризации в процессе возникновения фразеологизированного (фразеологического) наименования. Анализируя то, как переосмыслено значение признакового компонента и каков его исходный смысл, мы можем установить не только то, какой признак положен в основу наименования изначально, но и выяснить, какие ресурсы эксплицировавшего его слова сделали возможной метафоризацию.

Выяснению ономаσιологической структуры фразеологических и фразеологизированных единиц помогут и сложившиеся в современном языкознании представления о механизме фразеобразования, сущность которых сводится к последовательному взаимодействию культурно-семиотических и структурно-языковых факторов [4, с. 164]. Согласно В. М. Савицкому, существуют некие устойчивые сценарии-образы, связанные с системой культуры, которые воплощаются в разных устойчивых словосочетаниях и их вариантах. Регулярность фразеобразовательных процессов заставляет пред-

положить существование фразеологического кода – конструктивного принципа фразеологической системы [4, с. 165]. Отсюда следует, что смысл, нуждающийся в выражении, может обрести и обретает фразеологическую форму при определенных обстоятельствах, когда взаимодействуют номинативный замысел и переосмысленное средство его выражения [1, с. 325, с. 115].

Исследователями установлено, что все компоненты фразеологического знака одновременно существуют в двух измерениях: как слова на уровне базового (исходного) свободного словосочетания и как семантически ослабленные, преобразованные слова на уровне собственно фразеологизма [2, с. 94]. В связи с этим встает вопрос о том, что из семантики исходного словосочетания наследуется значением устойчивой единицы. Ясно, что в случаях идиоматизации такая преемственность не устанавливается, за исключением той части семантики, которая соотносится с грамматическим значением фразеологизма. В случаях фразеологизированности факт сохранения семантического наполнения свободного словосочетания если не очевиден, то ощутим. В современном языкознании существуют работы, в которых доказано, что в процессе фразеологизации сохраняется типовое знание об обозначаемом, называемое прототипом или гештальт-структурой [5, с. 94–95]. Следовательно, внешняя форма устойчивой единицы, которая больше связана с генетическим источником, может помочь выяснению генетического содержания, а значит, предположительно судить о том, какой из признаков поименованного предмета был замечен и эксплицирован в наименовании. Степень и характер переосмысления этого признака тоже могут быть постигнуты через цепь ассоциативных связей.

Поскольку предметом нашего рассмотрения стали фразеологические и фразеологизированные средства предметной номинации, являющиеся атрибутивно-субстантивными словосочетаниями, есть основания считать, что в значительной части они имеют внутреннюю форму и ономаσιологическую структуру. Естественно, что в качестве ономаσιологического базиса будет выступать субстантивный компонент наименования, который сохраняет соотносительность с реальной действительностью, имеет денотативно-сигнификативное содержание. Например, в устойчивых единицах *пошлина свозная (пошлина за перевозку, доставку товара)*, *письмо свободное (документ, подтверждающий независимость лица)*, *грамота свидетельная (документ, подтверж-*

дающий верность выполненного обещания), *деньги свадебные (плата, пошлина за проводимую свадьбу)*, *головщина прохажая (поголовный денежный сбор со всех проходящих и проезжающих)*, *люди ответные (люди, назначенные для переговоров с послами)* и других компоненты *пошлина, письмо, грамота, деньги, головщина, люди* называют соотносимые с ними явления действительности и указывают на то, что поименованный словосочетанием предмет относится к определенной группе однородных предметов.

Атрибутивный компонент можно рассматривать как ономаσιологический признак, хотя и признак специфического свойства, поскольку значение выражающего его прилагательного переосмыслено. Это не противоречит представлениям современной лингвистики о том, что фразеологизмы – это свернутые прототипические, пропозиционные структуры [3, с. 168], микротексты, в номинативное основание которых втягиваются при концептуализации обозначаемого все типы информации, но эта информация находится в единице в свернутом виде [5, с. 8].

Определенная часть старорусских фразеологических единиц по характеру ономаσιологического признака может быть отнесена к наименованиям экзистенциального свойства (лат. *existentia* – существование). Это значит, что предмет получил свое имя с учетом характера, способа своего существования. Поскольку в большинстве это наименования лиц, необходимо указать, что признак характеризовал их положение в социальной иерархии, психическое и интеллектуальное состояние.

В качестве базовых имен в таких устойчивых единицах использовались наименования лиц, причем их количество было ограниченным. Такие названия указывали на социальное, имущественное положение лица, занимаемую должность (*крестьянин, боярин, князь, воевода, старец, гость, посол*). Нередко использовались обобщенные универбы *муж, человек – люди*.

В анализируемых единицах активно использовались компоненты *бедный, богатый, большой, великий, вольный, высокий, добрый, лепший, лихой, лучший, малый, меньший, мелкий, мудрый, полный, прямой, убогий, удалой, умный, сильный, скудный, старейший, худой* и др. Обращает на себя внимание противоположность называемых характеристик (*большой, великий – малый, мелкий; добрый – лихой, худой, богатый – бедный*), а также их градуированность (*лучший, меньший, лепший, старейший*). Так, знатных, свободных людей,

пользующихся доверием властей, чаще всего именовали с использованием атрибутивных слов *большой, великий, высокий, добрый, лепший, лучший*: *мужи большие, мужи великие, мужи добрые, мужи лепшие, мужи лучшие, князь большой, князь великий, князь высокий, князь лучший, князь лепший, боярин большой, воевода большой, люди лучшие, бояре лучшие, люди добрые, люди большие, люди высокие*.

Обратимся к более подробному рассмотрению семантики отмеченных прилагательных. Слово *большой* в древнерусском языке выступало в значениях (1) *большой, крупный*; (2) *значительный по степени проявления*; (3) *главный, важный, значительный* [СДЯ, 1, с. 289]. Отмечен и важный для нас оттенок значения – *'богатый, знатный'*. Очевидно, что сформировался он в результате метафорического переноса основной семантики. Этимология слова дает основания считать, что отмеченные значения и их оттенки сложились в результате генезиса понятий *'лучший, значительный'*. М. Фасмер указывает на родство русского *большой* с древнеиндийским *balīan* *'сильнее'*, *balīṣtas* *'самый сильный'*, греческим *βελτίων, βέλτερος* *'лучше, лучший'* [Фасмер, 1, с. 191]. Это же подтверждают и данные Словаря русского языка XI–XVII вв., где указано, что *большой* – это (1) *большой по величине, крупный*; (2) *большой по количеству*; (3) *значительный по силе проявления*; (4) *старший, главный, знатный*; (5) *начальник, глава*; (6) *старший по возрасту*; (7) *взрослый* [СлРЯ, 2, с. 261]. Это практически полностью совпадает с семантическим наполнением старобелорусского слова *большой*. При этом словарь не содержит единиц с ромбовой пометой, но в иллюстративном материале, связанном по содержанию с Московской Русью, находим аналогичные старорусским единицы: *Самая Москва и вси большие бояре Московские...* Барк., 173; *Потом и зъ столицы Московской къ нему приезжали люди большие, бояре думные и воеводы...* АЗР, IV, 438, 1615 г. [ГСБМ, 2, с. 141]. Таким образом, *большой* в старорусских фразеологических наименованиях с субстантивными компонентами *человек, князь, муж, боярин, воевода, гость, посол* – это *'знатный, высокопоставленный'*. Текстовый материал подтверждает, что в деловом языке чаще всего реализовывалась именно эта часть значения. Вот некоторые примеры: *Приговорил ... где кому быти лучитца на службе бояром и воеводам по полком: в большом полку быти большому воеводе*. ЗАРГ, 2. *Умилостивись, государь, большой житник старей Корнилеу, прикажи, государь, из*

тюрьмы освободить. КЧ, 179. *А князем и дво-
ряном большим быти з бояры и с воеводами
большими... на цареви и великого князя служ-
бе без мест*. ЗАРГ, 2. Энциклопедическое тол-
кование может сообщить различную дополни-
тельную информацию о поименованном лице. Например, *князь большой – князь, который
владел отдельным княжеством и состоял на
службе у великого князя* [СлРЯ, 7, с. 207].

Синонимичный компоненту *большой* смысл выражало прилагательное *великий*, происхождение которого объясняется по-разному (обзор версий см.: [Фасмер, 1, с. 289]), при этом указывается на родство с тохарским-А *wal* *'князь, государь'* [Фасмер, 1, с. 289]. Слово *великий* уже в древнерусском языке служило средством выражения разнообразных смыслов. Так, к примеру, в «Слове о полку Игореве» оно использовано в значениях: (1) *крупный, больше обычного размера*; (2) *многочисленный*; (3) *необычайный, сильный*; (4) *высший, наиболее чтимый; главный, старший по положению; выдающийся, прославленный; важный, значительный*; (5) *взрослый* [Словарь-справочник 1965, 1, с. 98–101]. Идея значительности, значимости, важности явно превалировала в семантике прилагательного, следовательно, именно этот смысл, названный словом *великий*, реализован в древнерусских названиях высокопоставленных особ. В старорусском это слово вошло в состав устойчивой формулы, называвшей титул государя (*Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Слово о полку Игореве*)

Энциклопедические источники содержат сведения о том, что первоначально князь был племенным вождем. С XIII в. это титул владельцев Великого княжества Литовского. Князья, которые являлись главами феодальных монархий Руси и Литвы, назывались великими князьями [СИЭ, 7, с. 447]. Это значит, что в старорусском и старобелорусском языках титулы правящих особ содержали в своем составе компонент *великий*, государство называлось *Великое княжество Литовское*. Главу монархического московского государства позднее принято было именовать *великий государь; великий государь царь; царь государь и великий князь всея Руси; царь государь и великий князь всея великия и малыя и белыя России*. Вот примеры из памятников письменности: *А с Лук Великих посылают их на службу великого государя к Москве*. ТКВЛ, 93. *И чтобы прежних великих государей царей и великих князей...* Ул. 1649 г., преамбула. *В лето 7156 июля в 16 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси...*

Ул. 1649 г., преамбула. *Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцу...* КЧ, 215. В старорусском языке появляется и широко распространенное наименование *царское величество*, а также обращение *ваше величество*. Они содержат абстрактное существительное *величество*, восходящее к прилагательному *великий*.

В проанализированных устойчивых наименованиях атрибутивный компонент, прилагательное *великий*, не утратило своей связи с исходным значением. Произошедшее переосмысление находится в русле основной номинативной сущности: этим словом выражалось понятие значимости, значительности, важности. Экзистенциальный ономаσιологический признак может быть установлен.

Старорусскому деловому языку были известны и другие устойчивые словосочетания с экзистенциальным ономаσιологическим признаком. Приведем еще несколько из них с толкованием значений. *Люди худые – беднота, низшие слои населения; люди лучшие – зажиточные крестьяне, ремесленники; люди верные – присягнувшие, давшие клятву честно исполнять возложенные на них обязанности; люди полные – люди, попавшие в бесспорную зависимость*. Указанный признак можно усмотреть не только в наименованиях лиц. Вот другие названия: *запись круговая – документ о взаимном поручительстве; грамота правая, память правая, запись правая – документ о решении суда, выдаваемый выигравшей стороне; мертвая грамота – документ с постановлением, потерявшим позже свою силу; милостивая грамота – послание государя с обещанием милости; мирная грамота – охранная грамота; письмо свободное – документ, подтверждающий независимость; дикая вира – добровольная складчина на штраф в случае убийства; деньги верные – деньги, собиравшиеся через присяжных людей; кабак верный – кабак, находившийся в ведении присяжного лица; вотчина старинная – исконное владение; животы глухие – выморочное имущество*. Мы не излагаем доказательств того, что атрибутивные компоненты в них переосмыслены, но сохраняют свою связь со значениями соответствующих свободных слов. В этом нетрудно убедиться, обратившись к историческим словарям. Следовательно, в проанализированных детально и перечисленных фразеологических и фразеологизированных единицах атрибутивный компонент рассмотрен как средство экс-

пликация ономаσιологического признака производного наименования.

Мы попытались доказать, что многие старорусские устойчивые словосочетания субстантивно-атрибутивного типа могут быть проанализированы как производные наименования. Представляется возможным выявить их ономаσιологическую структуру, объединить их в группы по характеру ономаσιологического признака.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1982–2002. Вып. 1–22; **ЗАРГ** – Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986; **КЧ** – Крестьянские челобитные XVII в. М., 1994; **ЛЭС** – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. **СДЯ** – Словарь древнерусского языка. XI–XIV вв. М., 1988–1992. Т. 1–4; **СИЭ** – Советская историческая энциклопедия. В 12 т. М., 1961–1972. Т. 1–12; **СЛРЯ** – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2000. Вып. 1–24; **ТКВЛ** – Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. М., 1999; **Ул. 1649 г.** Соборное уложение 1649 г.: Текст, комментарии. Л., 1987; **Фасмер** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1964–1973. Т. 1–4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков А. В. Лексико-фразеологическая гибридность как особая форма переходности фразеологизмов // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвуз. науч.-исслед. конф. М., 1993. Ч. 2. С. 29–32.
2. Жуков А. В. О природе фразеологического знака // Актуальные проблемы современной русистики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. памяти В. И. Чернова, Киров, 22–24 мая 2000 г. Киров, 2000. Ч. 1. С. 93–95.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М., 1996.
4. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара, 1993.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

SUMMARY

In this article phraseological units are analyzed as derivative names. An attempt to reveal their onomasiological structure is described. Material of ancient Russian business writing is used.